

— Не скрою от вас, я тоже действую по чьей-то просьбе, но на этот раз, думаю, всё быстро завершится, и я успею вернуться до свадьбы Сиюнь.

Солнце уже поднялось выше, и Инь Цзючу повёл двоих в беседку в саду, усадил их, а затем велел служанке подать чай и фрукты.

Сяо Чжоухэн пристально смотрел на профиль Хуанфу Чу, прежде чем тихо спросить:

— Юйсин, в прошлый раз... в том ресторане...

— Шутин, я знаю, что ты подозреваешь меня, но это не я. В тот день всё действительно было случайно. — Хуанфу Чу взял фрукт из тарелки, стряхнул капли воды и повернулся к Сяо Чжоухэну, сохраняя серьёзное выражение лица. — В тот день мне заранее сообщили, что с тобой может случиться беда.

Сяо Чжоухэн услышал от Хуанфу Чу объяснение: в тот день Хуанфу Чу собирался преподавать музыку, но, едва выйдя из дома, был остановлен стариком. Хуанфу Чу сначала подумал, что это нищий, но, присмотревшись, понял, что это старик Луань, который часто бывает у резиденции Ли. Тот, хоть и говорил невнятно, постоянно повторял имя Сяо Чжоухэна и указал Хуанфу Чу путь.

Хуанфу Чу, хотя и был озадачен, не стал раздумывать, почему старик Луань выглядел так странно, и пошёл по указанному пути. Не прошло и часа, как он увидел спешащего Сяо Чжоухэна. Хотел было остановить его, чтобы расспросить, но заметил, что за ним следуют подозрительные люди.

Так и произошло то, что случилось позже.

Хуанфу Чу сказал:

— Но я действительно не знаю, почему господин Цюй оказался там. Я хотел позже рассказать тебе о старике Луане, но неожиданно появились констебль Юй и наставник Хань. Эти двое, как мне кажется, не заслуживают доверия, поэтому я и не стал упоминать.

Сяо Чжоухэн удивился:

— Почему им нельзя доверять?

— Наставник Хань, хоть и работает в резиденции Ли, как и ты, но он человек генерала Ли. — Вмешался Инь Цзючу, который всё это время слушал. — Не говоря уже о старике Луане, давай сначала поговорим о Железном Отце Быстрой Битвы Хань Дунчи. Шутин, ему едва за тридцать, почему он добровольно отказался от поля боя и поселился в резиденции Ли?

Инь Цзючу сделал паузу:

— Кроме того, зачем констебль Юй распускает слухи о тебе и шестнадцатой мисс Ли в городе?

— Я не верю, что он просто болтает. Эти двое не простые люди, будь осторожен. — Хуанфу Чу добавил:

— Тем более, почему они опоздали в тот день покушения? Если бы я не поверил словам старика Луаня или если бы не было господина Цюя, они бы как раз успели собрать твой труп.

— Верно, Шутин, нельзя слишком доверять другим. — Инь Цзючу встал, убирая книги. —

Юйсин и я, конечно, тоже не исключение.

Их слова, хоть и были жестокими и прямыми, но не лишены смысла. Последняя фраза Инь Цзючу даже немного разрядила обстановку, и Сяо Чжоухэн невольно улыбнулся:

— Мы знакомы уже много лет. Если вы и замышляете что-то против меня, я всё равно готов принять это.

Если бы не поддержка этих двоих в те годы, он, возможно, уже давно погиб бы в куче трупов после смерти родителей и захвата семейного имущества.

Хуанфу Чу махнул рукой, проглотив последний кусочек фрукта:

— Чуть не забыл, перед отъездом соберёмся. Сегодня в Шуйяньмэй пригласили несколько артистов, будет весело.

Инь Цзючу спросил:

— Какую песню будут петь? Старые песни я слушать не хочу.

— Конечно, новые. Если бы они были плохими, разве бы Кунцзе стал устроителем?

— Кунцзе арендовал зал? — Сяо Чжоухэн тоже заинтересовался. — Неужели сегодня будут петь ту, на которую он раньше положил глаз?

— Откуда мне знать? Кунцзе всегда непостоянен, кто знает, та ли это, что в прошлый раз.

Смеясь, трое вышли из магазина картин и сели в паланкин, направляясь в Шуйяньмэй.

Шуйяньмэй, построенный у воды, был одним из самых любимых мест среди учёных и литераторов в районе Цзяофансы. Не говоря уже о толпе очаровательных девушек, но только благодаря внутреннему театру, где каждые несколько дней ставили новые пьесы, а также благодаря тому, что всё, что было модно в столице, быстро становилось модным и здесь, это место привлекало и заставляло людей забывать о времени.

На этот раз они вошли через главный вход. Едва переступив порог, они услышали звуки струнных инструментов со сцены. Несколько артистов уже начали разогревать публику своим пением. В зале горели благовония, создавая дымку, наполненную ароматом орхидей и мускуса.

Издали они увидели Дин Чжунчоу, сидящего в VIP-ложе на втором этаже, где он смеялся и разговаривал с несколькими другими молодыми людьми, похожими на богатых наследников. Увидев их, Дин Чжунчоу сразу же поманил их вверх, представил Трёх героев Цзиньлина своим новым знакомым и усадил их.

После обмена приветствиями и шуток, когда все уже немного выпили, Сяо Чжоухэн огляделся и вдруг спросил:

— Почему Цзян Жули сегодня не пришёл? Неужели вернулся в Сунцзян?

Цзян Жули всегда был словно близнецом с Дин Чжунчоу, они всегда были неразлучны. Сегодня же Сяо Чжоухэн впервые с момента их знакомства видел только Дин Чжунчоу.

— Откуда мне знать? — Дин Чжунчоу махнул рукавом, и нефритовые подвески на его поясе звенели. — Наверное, его отец забрал его. Такое уже бывало, ничего странного.

— Он целыми днями не бывает дома, конечно, старик Цзян злится. — Хуанфу Чу усмехнулся. — Наследник знатного рода не может позволить себе быть таким бездельником, как я, бродяга.

Все засмеялись, и вскоре их внимание привлёк артист, появившийся на сцене — мужчина, переодетый в женщину, в ярко-красном костюме, расшитом золотыми нитями. С каждым движением рукавов казалось, что цветы с его одежды оживают. Хотя лицо было накрашено, всё же можно было разглядеть природную красоту.

Сяо Чжоухэн подумал, что Дин Чжунчоу, как знаток женской красоты, действительно обладает отличным вкусом. Этот юноша, хоть и оказался в мире развлечений, всё же сохранил изящество.

Когда началась мелодия, Инь Цзючу как раз взял арахис и, прислушавшись, воскликнул:

— Действительно новая песня! Юйсин, ты раньше её слышал?

— Нет. — Хуанфу Чу ответил. — Мелодия ни на что не похожа, не похожа на центральные земли.

Дин Чжунчоу усмехнулся:

— Инь Хуамань не из центральных земель, конечно, он не поёт местные песни.

Сяо Чжоухэн спросил:

— Инь Хуамань? Имя необычное, он, должно быть, с Запада...

Не успел Сяо Чжоухэн закончить, как Инь Хуамань запел:

*Путники на девяти дорогах поднимают пыль.

Небесные фонари окутаны красными облаками.

Снег на Нефритовой террасе отражает бесконечные драгоценности,

Цветы в Ланьюане цветут в бесконечной весне...*

Сяо Чжоухэн замер. Это же были его слова. Все вокруг тоже узнали их и стали хвалить Сяо Чжоухэна, выпили ещё несколько кружек вина. В полумраке Сяо Чжоухэн заметил, что артист, играющий на лютне рядом с певцом, выглядел знакомо, но, опьянённый вином, он быстро забыл об этом.

*...Собравшись, колесницы с драконами.

Дворцы Ханьской династии — врата пяти князей.

Звон колокола Цзинъян раздаётся, и они возвращаются,

Всё ещё вися у западного окна, наблюдая за следом луны...*

Когда песня закончилась, Дин Чжунчоу смеялся и аплодировал:

— Награда, награда! — Затем он потянул за собой слугу и спросил:

— Сколько серебра ты сегодня принёс?

Только тогда все заметили, что слуга Дин Чжунчоу нёс на спине корзину, полную серебряных монет.

Один из незнакомых молодых людей рядом наклонился к Сяо Чжоухэну и, указывая на него веером, тихо сказал:

— Господин Цзюэянь, вам интересно, зачем он принёс столько серебра.

Молодой человек, похоже, был в хороших отношениях с Дин Чжунчоу, но Сяо Чжоухэн его не знал. Такой внезапный жест ему не понравился, и он слегка отодвинулся, вежливо ответив:

— Да, немного любопытно.

Тот снова приблизился, и ручка веера словно случайно коснулась руки Сяо Чжоухэна:

— Это для престижа, так делают молодые люди в столице.

Сяо Чжоухэн сохранял спокойствие, улыбаясь, но взял веер в руку, и его длинные пальцы легли на тыльную сторону руки молодого человека, слегка сжав её.

Тот, похоже, воспринял это как знак, будто Сяо Чжоухэн флиртует с ним, и подмигнул ему, облизав губы, прежде чем отвернуться и заговорить с другими. Сяо Чжоухэна охватило отвращение, и он внутренне усмехнулся.

Никто вокруг не заметил этого инцидента, не потому что он был тихим, а потому что всё внимание было приковано к Дин Чжунчоу, который сыпал серебряные монеты с верхнего этажа.

Серебряные монеты падали, словно снежинки, и Дин Чжунчоу смеялся, как безумный, но в его глазах была милость, словно он был бодхисаттвой, желающим спасти всех, кто предаётся удовольствиям.

Авторское примечание: Из-за ревности Ли Чжуннань произошло небольшое раскрытие личности, что, конечно, не стоило делать.

Напоминание: Ли Чжуннань не видел тех сведений, которые видел Сяо Чжоухэн.

Ли Чжуннань также не рассказал Сяо Чжоухэну о той игле.

Госпожа Цзэн прикрывала Ли Юньдэ, что упоминалось в главе 14 (во время ссоры с госпожой Лю).

Старик Луань впервые упоминается в первой главе.

Похоже, в этом мире никому нельзя доверять.

<http://bllate.org/book/16134/1444547>